

ВЛАДИСЛАВ КИТИК

ЧАСОВЩИКАМ ОТМЕРЕН СРОК

Чем ты в этот вечер дорожишь?
Ветром давней памятью подувшим,
Задушевной грустью, днем грядущим?
Он всё переменит завтра лишь,

Но не раньше. Знаешь ведь сама,
Что в игре и правда, – понарошку.
Масло льёт луна из медной плошки,
Наполняет лета закрома.

Штиль зеркальный. Вышитая гладь
Медленной воды. И взгляд пространный.
Мне куриный бог на дне кармана
Не даёт в иллюзию сбежать.

Новым днём вчерашний заменить
Надо бы, как на причале доски,
Но закономерность парадокса
Этим всё равно не объяснить.

Как нерасторжимы «здесь» и «там»?
Годы расстоянья волны смыли.
Я твои дочитываю мысли
Перед сном. Пока что по слогам.

ЛИРИКА

Влечёт столетья, как вагоны,
Как расстоянья, ждёт письма.
Сама себе творит законы
И нарушает их сама.

А после заклинанья шепчет
Внимая, словно птицелов,
Мгновеньям и словам ушедших
В стихи.
И слушает щеглов.

То дали, сбившиеся в точку,
Им вслед с рассеянным: «Да-да!..»,
Махнув узорчатым платочком,
Вернуться просит навсегда.

То властно жаждет обещанья,
Лишь ей быть верным до креста,
То запечатает молчанье
Игривым пальчиком у рта.

Любви непрошенная гостья,
Ревнивица благих кровей.
Не хватит ни порыва злости,
Ни мудрости расстаться с ней.

Она же, вспыхнув спичкой серной,
Непризнанной виной горда,
В дверях стоит женой неверной
И не уходит никуда.

Пойми, что значит женское: «Быть может».
Гадателя грядущее тревожит,
Что в настоящем – он переживёт.
Искатель истины её кроссворда не сложит
Историк вспять её искать идёт.
Часовщикам, как всем, отмерен срок.
Захочешь чаю – будет *five o'clock*.

Чертёжник строгий пишет вензеля
И учатся учить учителя,
Чтоб не остаться без учеников,
Мудрец в толпе не выше дураков,
Картёжный шулер в шахматы играет.
За первой рюмкой следует вторая,
Синдром похмелья лечится бузой.

Так и живём, с усменшкой и слезой,
И ходят маловерам в назиданье
Башмачник – необутый и босой,
Несытый – булочник, художник – без признанья.

Что допустить не мог, – пришло.
До боли напрягая зреньё,
Я в небе разглядел крыло
С прозрачно-синим опереньем.
Я ключевой поил водой
Посланницу завидной доли.
Пусть не дала она покой.
Но я ей дал простор и волю,
Когда с ладони отпускал
В любые лётные пределы.
И унеслась. Но я-то знал,
Как расставаться не хотела.

Бледнеет даже тень перед жарой.
Пусть размалёван август петухами,
Ушастыми прослушан лопухами,
Просверлен, словно сито, мошкаррой,
А на душе – весна,

её игра

Прохлады моря с таинством зелёным,
Душистый флёр цветочного ковра,
Полёт фантазий в небесах бездонных,
Синицы, облака и кушидоны
Беспечные, как детские качели.
Благодаренье Сандро Боттичелли
За то, что пять столетий с полотна
Глядит его Венера, хоть она
В альбоме тесном с типографской краской,
Его любви, всемирно преданной огласке,
Той женщине, что из-под слёзных век
Узрел ловец прекрасного мгновенья,
Тем обнадёжив, что во дни творенья
Их создал Бог достаточно для всех.

Ни вселенской печали, ни плахи
Не грядёт, будто с детством невинным
В лес ушли мои детские страхи,
Что их в зеркале даже не видно.

Жить по правилам – верное дело,
Только к истине шаг был неверным.
Или поздно вода просветлела,
Или рано оборваны вербы.

Пятернёй растопырено устье,
Но потока неведомо имя.
Я однажды родился в капусте:
С дальней грядки, не схожей с другими.

...Но послышался из дальнего угла
Тихий шорох – легче шёпота признанья.
Упреждая сон, бессонница пришла,
Повернула совесть ключ воспоминанья.

Так ли это? Ведь не мучила, не жгла.
Без нужды не лезла в душу самовольно?
Просто молча расставляла зеркала.
Просто ты в них отражаешься невольно.

Просто маешься, по комнате пустой
Вдоль от зеркала до зеркала тыняясь.
И нельзя сплошной их ряд, пока живой,
Ни разбить, ни занавесить простынями,

Ни прорвать их беспристрастное кольцо.
Не казнят, не угрожают, но – тревожат:
Вдруг откроется внезапное лицо,
До того себя забывшее, быть может.

Не спешите к вечности на постой.
Будет дом пустой, да не мир пустой,
Даль его чиста, да грешны уста,
И глупа мечта дотянуть до ста.
И хорош тот свет, только счастья нет,
И опять захочешь на этот свет,
Где крестил свой лоб, хоть и не был свят,
Где, как самоучка-гомеопат,
Исцелял беду росной трын-травой,
А печали – дудочкой плясовой,
Где себя терял и себя искал,
И где мой удел ни велик, ни мал,
Не чужой, не чей-нибудь, только мой.
Уходил я и вновь приходил домой,
Путь куда б ни вёл, а приходишь сам:
Храм на дом похож – дом такой же храм.
Вот бы тело сдать, как ручную кладь!
Но звенит будильник – пора вставать.
Вновь гордится улица мостовой,
И от ветки кривой будет тень кривой,
И купаются воробьи в пыли,
Где сошлись край неба и край земли.
Я люблю, мой свет, только этот свет.
А другой: он – есть? Может, вовсе нет?

Хоть худой будет мир, хоть залатанный,
Хоть не всё в нём случится пристойно,
Уходя по дороге заплаканной,
Превращаются в хронику войны.

И когда нелюбовью пресытятся,
И когда настреляются вдоволь,
И во храмах, пеплом присыпанных,
Выйдут замуж вчерашние вдовы,

Встанет памятник, в небо впаянный,
Не попасть бы, как в окруженье,
В сухопарый ущерб злопамятства
И незрячесть опустошенья.

ТИР

Пляжно-летний период закрыт,
Парк обрёл тишину запустенья.
Лишь пронзительный ветер свистит
Сквозь колючие дыры в мишени.

Скуки ради, а то – на пари:
Как-то странно мы душу отводим.
На запретной земле снегири,
И предзимняя свежесть в природе.

Мусор. Изгородь. И – никого.
И пробитых досок заусенцы.
И щемящая мысль: каково
Подставлять под прицел своё сердце.

Спустилась ласточка, мне став сестрой небесной.
Ей о родстве по дням творенья не известно.
Я тоже дую в свой рожок неповторимый.
Чуть не задев крылом, она промчалась мимо.
Черпну ковшом, налью ей звонкую водицу,
Всегда воздушна и легка её цевница
Для тех, кто слышит, и для тех, кто глух с рождения,
Для тех, кто так же любит это пенье,
Для всех нелюбящих и тех, кто с ними иже.
Не станет мир добрей, но станет ближе.